

КРЕСТЬЯНСТВО И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.*)

1. ЗНАНИЕ И ПРИЗНАНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА.

Крестьянство составляет оть 4/5 до 9/10 населенія Россіи. Ясно, что оно является ея *всепредѣляющей органической силой*. Явно, что его *знаніе и признаніе необходимо*. Всякій искренній демократъ — не говорю уже социалистъ и народникъ — долженъ признать разь навсегда, что руссійская демократія можетъ быть лишь *царствомъ крестьянской самодѣятельности, крестьянскаго социальнаго творчества* и, значить, долженъ поставить всестороннее глубокое изученіе крестьянства и приспособленіе къ нему всей программы дѣятельности первой своей задачей.

Въ дѣйствительности однако имѣется лишь *словесное признаніе* крестьянства, но почти нѣтъ *знанія* его, а потому нѣтъ и *реальнаго признанія*. Всѣ клянутся именемъ крестьянства и обѣщаютъ его облагодѣтельствовать. Но почти никто — въ томъ числѣ даже часть народниковъ — до сихъ поръ не знаетъ и не желаетъ знать *крестьянства, какъ оно есть*: его конкретныхъ нуждъ, интересовъ, устремленій, его реальныхъ достоинствъ и недостатковъ, его исторію и особенно — огромнаго пути, пройденнаго имъ въ послѣдніе полвѣка. А при *незнаніи* крестьянства какъ же можно *признать* его, т. е. опредѣлить его дѣйствительную исто-

*) Давая мѣсто статьѣ К. Р. Качоровскаго, посвященной едва ли не основному вопросу будущей Россіи, считаемъ необходимымъ оговориться, что мы не во всемъ раздѣляемъ точку зрѣнія автора. Приписываемая имъ крестьянству всеобъемлющая творческая роль представляется намъ преувеличенною, а его оцѣнка исторической роли русской интеллигенціи — не всегда справедливою. *Ред.*

рическую роль и сообразовать съ ней свое дѣйствіе? И прямо непонятно, о чемъ думаетъ, на что надѣется эта совершенно оторвавшаяся отъ крестьянства часть интеллигенціи: вѣдь когда наступитъ демократія и крестьянство станетъ хозяиномъ Россіи, тогда и оно не захочетъ знать ея и просто отбросить ее въ сторону, въ лучшемъ случаѣ использовавъ ее лишь технически.

И хорошо понимаю историческія причины этого страшнаго разрыва, явившагося проклятіемъ и несчастьемъ Русской Революціи. И я ставлю задачей нижеслѣдующаго краткаго синтетическаго очерка именно съ одной стороны показать на рядѣ *основныхъ безспорныхъ* фактовъ, насколько наши *мнѣнія* о крестьянствѣ контрастировали и контрастируютъ съ дѣйствительными *явленіями* его жизни и съ другой стороны — указать причины этого. Это будетъ *конспектъ реальной исторіи русскаго крестьянства за послѣднія 60 лѣтъ*, который покажетъ наглядно, насколько его въ интеллигенціи не знаютъ и не признаютъ. А сознание своего незнанія будетъ, хотѣлось-бы надѣяться, началомъ познанія и признанія крестьянства интеллигенціей, началомъ сближенія между ними.

2. ДО ОСВОБОЖДЕНІЯ.

Общее представленіе о русскомъ крестьянствѣ сложилось у нашей интеллигенціи еще до освобожденія, и оно было почти всецѣло основано на впечатлѣніяхъ отъ *крепостнаго* крестьянства. Этотъ фактъ имѣлъ огромное значеніе: *все вообще* русское крестьянство представлялось и представляется интеллигенціи, какъ прошедшее чрезъ *глубокое рабство*.

Крестьянство было открыто намъ гуманными помѣщиками, какъ Тургеневъ, Григоровичъ и т. д., которые, естественно, знали преимущественно лишь помѣщичьихъ крестьянъ и притомъ ближе всего самую рабскую часть изъ нихъ — дворовыхъ. И вотъ мы видѣли, что мужикъ забить, обѣднѣ, темень, пьянѣ, суевѣренѣ, покоренѣ сильнымъ, жестокъ со слабыми, но что все-таки въ немъ живетъ человѣческая личность, которая страдаетъ и рвется къ свободѣ и къ лучшей жизни.

Отсюда въ интеллигенціи рождалось состраданіе, любовь къ

этимъ несчастнымъ, стремленіе бороться за эти человѣческія личности. Конечно, этотъ высокій, широкій филантропизмъ къ «меньшому брату», этотъ гуманитарный индивидуализмъ, исходящій въ общественной борьбѣ изъ живого человѣка, былъ драгоцененъ для самой интеллигенціи, ибо далъ ея активности глубокой, могучій этический корень. Но отношеніе ко всему крестьянству, къ крестьянству вообще, какъ къ рабской массѣ неизбѣжно и невольно принижало или искажало современную историческую роль этого класса, готовило невѣріе въ него, разочарованіе въ немъ какъ въ активной демократической творческой силѣ, готовило то его непризнаніе, къ которому мы пришли теперь.

А между тѣмъ это представленіе было глубокой фактической ошибкой: рабство не характерно для русскаго крестьянства.

Прежде всего, какъ феодализмъ почти не окристаллизовался въ Россіи, такъ и крѣпостное право длилось тутъ сравнительно мало, не успѣло вполне отвердѣть, войти въ бытъ и въ *духъ* крестьянъ. Послѣдніе не переставали бороться противъ него, бунты Разина и Пугачева сотрясали его въ самыхъ основахъ. Подъ конецъ (съ 19 вѣка) оно перестало расти, и «яремъ барщины старинной» сталъ смѣняться оброкомъ, смягчавшимъ зависимость. Наконецъ, большая половина крѣпостныхъ жила въ крупныхъ общинахъ и принадлежала крупнымъ владѣльцамъ, при каковыхъ условіяхъ обычно у нихъ оставалось больше внутренней своей мірской жизни.

Но самое важное то, что *большинство крестьянства и вообще трудового земледѣльческаго населенія Россіи никогда вовсе и не знало крѣпостного права*. Въ моментъ освобожденія считалось (по послѣдней ревизіи 1858 года) крестьянъ помѣщичьихъ отъ 21 до 22 милліоновъ душъ обоюго пола и приблизительно столько же крестьянъ государственныхъ (съ маленькимъ процентомъ удѣльныхъ), но кромѣ того было не менѣе 12 милліоновъ населенія аналогичнаго государственнмъ (казаковъ «четвертныхъ», колонистовъ, инородцевъ и т. д.). Такимъ образомъ уже тогда крѣпостныхъ было $\frac{2}{5}$, а свободныхъ — $\frac{3}{5}$, а потомъ, такъ какъ вторые приростали гораздо быстрѣе первыхъ, то въ Россійскомъ крестьянствѣ надо считать по меньшей мѣрѣ $\frac{2}{3}$ изстари свободныхъ и лишь $\frac{1}{3}$ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Значитъ уже *количественно* типъ русскаго крестьянина есть типъ *свободнаго, а не крѣпостнаго*: изъ трехъ — одинъ крѣпостной и два свободныхъ. Но еще болѣе *качественно, по фактической роли* своей, даютъ всему крестьянству тонъ *свободные государственные* (и имъ подобные) крестьяне.

Если сами они составляютъ 2/3 крестьянства, то въ ихъ рукахъ было въ десять разъ больше землепахотной и годной къ земледѣльству земли, чѣмъ у бывшихъ крѣпостныхъ: у послѣднихъ 36 миллионъ десятинъ въ моментъ освобожденія, а у первыхъ добрыхъ 300 или 400 миллионъ десятинъ. Такова же должна быть пропорція въ скотѣ и прочемъ сельскохозяйственномъ имуществѣ. Свободные государственные крестьяне во всемъ крупнѣе и сильнѣе. Въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ прямо бросается въ глаза эта разница: они выше ростомъ, здоровѣе, красивѣе, лучше одѣты, свободнѣе ведутъ себя, избы и скотъ лучше, деревни крупнѣе, семьи крупнѣе, лучше церкви, больше чистоты и благоустройства, гораздо больше школы, грамотныхъ и т. д. Словомъ, предъ нами съ одной стороны большинство, такъ сказать, «перво-сортнаго» выросшаго на свободѣ государственнаго и съ другой, меньшинство «второсортнаго» крѣпостнаго крестьянства.

И, естественно, главная самодѣятельность, лучшее творчество крестьянской культуры, крестьянской демократіи, крестьянскаго коллективизма въ Россіи сосредоточились, укоренились еще до освобожденія не въ крѣпостномъ, а въ государственномъ крестьянствѣ.

Эксплоатація и произволъ помѣщика съ одной стороны служили и обѣдняли самодѣятельность земельной общины и вообще сельскаго міра, а съ другой искажали, отравляли этотъ трудовой бытъ и трудовой духъ враждебными ему помѣщичье-капиталистическими началами. Еще въ общинахъ крупныхъ и на оброкѣ общинная самодѣятельность все-таки жила и даже развивалась и подъ корою крѣпостничества и потомъ быстро ожила послѣ освобожденія. Но среди крѣпостныхъ бытъ, такъ сказать, *третій сортъ крестьянства*, — правда, меньшинство этого меньшинства, — общинъ мелкихъ, малоземельныхъ, задавленныхъ барщевой, дворовыхъ. — преимущественно на западѣ, сѣверо-западѣ и юго-западѣ Россіи, — которые и потомъ остались полу-безземельными

и въ разныхъ смыслахъ распыленными. которые и до освобожденія были почти лишены автономнаго трудового быта, и послѣ освобожденія оказались внѣ общины или въ номинальной общинѣ, приобрѣли типъ, близкій западно-европейскому крестьянству и въ послѣдствіи составили главную кліентуру для Столыпинской «хуторизаціи».

Конечно и государственные крестьяне (и аналогичные имъ) далеко не были свободны и сильно страдали отъ гнета царской бюрократіи. Но она, частью просто по слабости своихъ культурныхъ и техническихъ силъ, частью въ своихъ-же выгодахъ для лучшей фискальной эксплуатаціи государственнаго крестьянства, не могла и не хотѣла лишать его внутренней мірской самодѣятельности и фактически (особенно, напр., въ Киселевскихъ законахъ 30-хъ годовъ) оставила ему *известную внутреннюю автономию*. И вотъ, государственное крестьянство, испытывая при этомъ минимумъ анти-трудовыхъ капиталистическихъ вліяній извнѣ, оказалось *наиболѣе чистымъ міромъ труда и народной самодѣятельности* — *въ общинѣ, въ артеляхъ, въ мірскомъ самоуправленіи*. Развивая эту самодѣятельность на государственной землѣ (ибо его земли считались государственными), оно собственно — *въ грубыхъ формахъ* — уже практиковало на дѣлѣ тотъ режимъ *трудовой націонализаціи земли*, который взнесель потомъ въ программу русской революціи.

Таковъ былъ *контрастъ между явленіями и мнѣніями уже въ самой исходной точкѣ новѣйшей исторіи крестьянства*. Интеллигенція отождествляла русское крестьянство съ второсортнымъ крѣпостнымъ его меньшинствомъ, которое способно было стать преимущественно лишь первой буйной волной революціи, захватывающей стихійно помѣщичью землю, но было наименѣе подготовлено къ борьбѣ за Волю, за демократію. И интеллигенція почти не видѣла то основное первосортное большинство «государственнаго» крестьянства, которое, *именно, какъ таковое*, воспиталось въ самодѣятельности, сложило внутри себя *основы демократіи и коллективизма* и тѣмъ самымъ выросло изъ рамокъ царской бюрократіи, ломало ихъ, стремилось къ полной автономіи, т. е. къ полной демократіи и становилось «государственнымъ» въ

новомъ смыслѣ, уже не какъ подданный деспотическаго государства, а какъ хозяинъ и позитивный, демократическій государственный строитель.

3. ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ.

Въ шестидесятые годы Россія совершила великій историческій поворотъ не только социаль-политическій, но и духовный. Это была *«эпоха великихъ реформъ»*: уничтоженіе крѣпостнаго права, реформа суда, школы, печати, введеніе городского и земскаго самоуправленія на-половину освободили Россію, — еще не дали ей политической свободы, но дали извѣстную свободу гражданскую. И это была, я бы сказалъ, — *эпоха великихъ формулъ*: тутъ скрестилась мысль четырехъ крупнѣйшихъ нашихъ социальныхъ учителей, и отъ Лаврова — Михайловскаго изшли общія историко-соціологическія формулы народническаго социализма, а отъ Герцена — Чернышевскаго — формулы историческихъ путей Россіи.

Къ народу-крестьянству обратилось тогда все вниманіе интеллигенціи. Но еще не началось точнаго, статистическаго его изученія, а лишь преимущественно, такъ сказать, этнографическое. Схема Чернышевскаго, построенная на общемъ социаль-философскомъ анализѣ, заключала два основныхъ тезиса: 1) при свободной конкуренціи неизбежна и въ аграрной области капитализація и пролетаризація крестьянства; 2) ихъ можетъ Россія избѣгнуть, если сохранится и разовьется земельная община и вообще крестьянскій коллективизмъ, что исторически вполне возможно. Опытъ затѣмъ показалъ, что въ послѣднемъ онъ былъ правъ, а въ первомъ ошибался. Въ общемъ, это былъ фазисъ *перваго устремленія интеллигенціи къ познанію и признанію крестьянства*.

Но вся эта огромная активность шестидесятихъ годовъ оставалась *наверху* — *въ государствѣ и въ интеллигенціи*: крестьянскій же народъ тогда еще не сказалъ и не могъ сказать своего слова. Все еще было въ процессѣ перестройки: крѣпостные крестьяне частью еще только получали надѣлы и оставались въ переходномъ положеніи «временно-обязанныхъ», государствен-

ные крестьяне только въ 1866 году получили свое «Положеніе», а рядъ другихъ мелкихъ категорій и еще позже. Инерція старой жизни еще длилась, и только постепенно, хотя и быстро, она угасала и переливалась въ новыя формы. Результаты реформъ не выяснились сразу крестьянству, въ шестидесятые годы оно только начало ихъ осознать, къ нимъ приспосабливаться. И только ошущью, безпорядочно, неосознанно оно начинало опытъ своей собственной новой самодѣятельности, для которой какъ законы о крестьянахъ, такъ и послѣдующая административная практика, фактически дали, если не полную, то значительную, несравненно большую, чѣмъ прежде, возможность.

Въ общемъ, въ 60-е годы крестьянство только начало осознавать себя въ новой жизни, а интеллигенція еще не успѣла узнать его, встрѣтиться съ нимъ.

4. СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ.

Въ 70-е годы созрѣла теорія народничества, овладѣла лучшей частью интеллигенціи и повела ее «въ народъ», т. е. къ крестьянству: «Кающіеся дворяне» и «равночинцы» устремились съ верховъ и изъ средины соціальной пирамиды внизъ, въ глубь крестьянства, чтобы узнать его, слиться съ нимъ, совершить вмѣстѣ съ нимъ великую политическую и соціальную революцію. Это была какъ бы «первая любовь», интеллигенція была полна «вѣры, надежды и любви» въ крестьянство, въ его общину и артель, вообще въ мірской коллективизмъ, какъ полуготовую основу социализма.

Но крестьянство въ 70-е годы далеко не могло оправдать такихъ отчасти прямо фантастическихъ надеждъ: оно только расправляло свои члены, чтобы приспособить свою жизнь къ новому соціальному руслу, чтобы двинуться по открывшимся новымъ историческимъ путямъ. Оно переживало кризисъ, разруху и первыя исканія выходовъ. Крѣпостные крестьяне получили мало земли, худшую землю и были задавлены платежами за нее, превышавшими въ нечерноземной полосѣ самую ея доходность. Здѣсь на-

дѣль сталъ не «кормителемъ», а «разорителемъ», и началось «бѣгство отъ земли» въ развивавшіяся «промыслы», отчасти въ появлявшуюся капиталистическую индустрію. Общинамъ пришлось силой «наваливать» на сильнѣйшихъ своихъ членовъ эти надѣлы, обремененные платежами, и это принудительное «общинно-выкупное» владѣніе приобрѣло одиозный характеръ, казалось продолженіемъ крѣпостного права. Крестьяне государственные были, правда, въ лучшемъ положеніи, но едва лишь начинали расширять и модернизировать свою хозяйственную и социальную самостоятельность. Въ общемъ, въ 70-е годы уже начался широкій отходъ на заработки, началось переселеніе, преимущественно на югъ, совершились первые «самовольные» (помимо вынужденныхъ) передѣлы общинной земли, явились сектантскія движенія, разлилось уже широкое недовольство условіями освобожденія. Но все это были еще зарожденія, исканія, пробы силъ, а не достиженія, не оформившіяся широкія теченія.

И вотъ, конечно, первая встрѣча интеллигенціи съ крестьянствомъ при такихъ условіяхъ привела ее къ разочарованію въ немъ. Въ большинствѣ случаевъ въ этихъ бѣглыхъ встрѣчахъ, тотчасъ прерывавшихся царской полиціей, интеллигенты и не успѣвали ознакомиться съ крестьянами. При этомъ они встрѣчались преимущественно съ второсортнымъ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Затѣмъ ожиданія обычно были слишкомъ преувеличены и потому разочарованіе было неизбежно, отчасти же и у тогдашнихъ народниковъ былъ уже извѣстный апріорный скептицизмъ: такъ, самъ Бакуининъ боялся «мелкобуржуазности» рядового общиннаго крестьянства и надѣялся преимущественно на расколъ и на «разбойный» революціонный элементъ. И вотъ, естественно, видя крестьянъ такъ бѣгло, въ худшей части, въ невыгодный моментъ, и прилагая къ нимъ гигантскую мѣрку, и преувеличенныя ожиданія, народники къ концу 70-хъ годовъ «разочаровались» въ крестьянствѣ, приняли переходную разруху въ немъ за начало капиталистическаго разслоенія и разложенія мірскаго коллективизма. Только единственные въ мірѣ творенія нашихъ беллетристовъ-народниковъ остались великимъ памятникомъ и источникомъ знанія и признанія крестьянства.

5. ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ.

Если въ 70-е годы интеллигенція пыталась связать всю свою судьбу съ крестьянствомъ и, по возмущенному выраженію реакціонеровъ, «мужикомъ пропахла вся литература», то за 80-е годы интеллигенція оторвалась отъ крестьянства, отдѣлила свою судьбу отъ его судьбы. Лучшія народническія силы признали невозможность прямой подготовки крестьянской революціи и вступили сами въ террористическое единоборство съ самодержавіемъ, какъ съ основнымъ препятствіемъ для «той революціи». Они еще сохраняли народническую крестьянско-коллективистическую программу, но скоро были разбиты и въ лучшей части буквально истреблены. Взроставшее въ атмосферѣ пораженія и реакціи поколѣніе 80-хъ годовъ впало въ безвѣріе, въ пессимизмъ, въ отрицаніе: въ толстовское «недѣланіе», въ абрамовскія «малыя дѣла», наконецъ, въ марксистское отрицаніе крестьянства, ожидавшее революціи отъ его пролетаризаціи и отъ капитализма.

А между тѣмъ, именно въ 80-е годы крестьянство впервые развернуло свою самодѣятельность, выказало жизненность и силу общиннаго коллективизма, устремилось къ высшему духовному развитію. Опредѣлился кризисъ помѣщичьяго хозяйства, и помѣщичьи земли потекли въ руки бывшихъ крѣпостныхъ. Налоги на ихъ надѣлахъ были понижены, хозяйство ихъ начало интенсивироваться, крѣпнуть, и въ связи съ колебаніями въ индустріи у нихъ началось «возвращеніе къ землѣ», «тяга къ землѣ», а тѣмъ самымъ и общинно-передѣльное владѣніе стало болѣе нормальнымъ, самопроизвольнымъ. Еще ярче было движеніе у «перво-сортнаго» государственнаго большинства крестьянства: на порогѣ 80-хъ годовъ и особенно именно съ 81 года его охватило обширное массовое передѣльное движеніе, напр., по Саратовской губерніи (а такъ было и повсюду) общины съ передѣлами «по новымъ душамъ» составляли въ 1870 году — 0,5 о/о, въ 1880 г. — 17,3о/о, а къ 1890 году — уже 67, 8 о/о. Съ того же 1881 года. — словно сигналъ былъ данъ бомбой, убившей Александра II, по меньшей мѣрѣ, удвоилось и другое «самовольное» крестьянское движеніе — переселеніе. Въ эти же 80-е годы пачала впервые серьез-

но проникать въ деревню грамотность, культурность и развилось широкое и глубокое сектантское движеніе (какъ, напр., штундисты, духоборы и др.) въ значительной части социальнаго и революціоннаго характера.

Но интеллигенція годъ за годомъ все болѣе поворачивалась спиною къ крестьянству, и все это движеніе и обновленіе его жизни все менѣе до нея доходило, все менѣе ее интересовало. Только народники-статистики дѣлали свою великую работу. во имя «двуединой правды», — огромный аппаратъ земской статистики перестраивалъ жизнь крестьянства и отлагалъ ее въ сотняхъ цифровыхъ сборниковъ въ грудяхъ драгоценныхъ архивовъ. Но они все менѣе расшифровывались, все менѣе обобщались, все менѣе проникали въ общую литературу, которая все быстрѣе провѣтривалась отъ наполнившаго ее въ 70-е годы тяжелаго «мужицкаго духа».

6. ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ.

Въ 90-е годы пути интеллигенціи и крестьянства разошлись окончательно. Марксистское поколѣніе «девяностниковъ» не только отвернулось отъ крестьянства, но прямо повернулось противъ него. Если семидесятники-народники увѣровали въ крестьянство, въ мірской коллективизмъ еще до ихъ точнаго статистическаго изученія, то марксисты анти-народники 90-хъ годовъ начисто отринули ихъ, игнорируя это уже совершенное и продолжавшееся изученіе и прямо вопреки ему. Они просто выбирали изъ народническаго изученія 70-хъ и 80-хъ годовъ (Шлехановъ изъ В.В., Ленинъ изъ Златовратскаго, а затѣмъ, въ своей книгѣ, изъ части земской статистики и т. д.) — факты отрицательные, рисовавшие, какъ тогда казалось, разслоеніе крестьянства и «разложеніе» общины, либо просто умалчивая о фактахъ положительныхъ, рисовавшихъ ихъ силу и развитіе, либо объявляя ихъ остатками, пережитками прошлаго. или прямо выдумкой народниковъ. Пресса реакціи 80-хъ и 90-хъ годовъ раздавила интеллигенцію, ея самостоятельную творческую мысль, ея познаніе и пониманіе собственныхъ историческихъ народныхъ силъ Россіи, обратилъ ее въ

крайнее западничество, въ ученичество предъ нѣмецкими учителями, устремилъ всѣ ея надежды на механическую силу извнѣ, — на приходъ съ Запада «капитализма и капиталистической выучки», на пролетаризацію крестьянства.

Совершенно обратны были результаты реакціи для крестьянства: ея давленіе не ломало, а наоборотъ, въ огромной степени напрягало и развивало его самодѣятельность и всякаго рода инициативу, и въ этихъ усиліяхъ, въ этой борьбѣ съ необыкновенной быстротой, благодаря исторической его подготовкѣ, — воспитывало его, какъ революціонную демократію. Съ половины 80-хъ до половины 90-хъ годовъ бюрократическое самодержавіе учредило дворянскій банкъ и земскихъ начальниковъ, поставило подъ свою опеку и отчасти подъ прямой запретъ крестьянское переселеніе, семейные раздѣлы и общинные передѣлы и всѣ эти плотины противъ крестьянскаго «самовольства» только обострили, возбудили его энергію, и крестьянское мірское саморазвитіе тотчасъ же легко перешагнуло черезъ нихъ.

Несмотря на дворянскій банкъ и всяческія льготы, дворяне изъ 100 приблизительно милліоновъ десятинъ, которыя имѣли при освобожденіи, удержали къ Первой Революціи, въ 1905 году, лишь 53 мил. дес., причемъ 2/3 проданной ими земли перешло въ капиталистическія руки, въ большой части для перепродажи крестьянамъ, а 1/3 — около 15 мил. десятинъ — уже тогда пошла въ трудовыя крестьянскія руки. Иначе говоря, не только крестьянское хозяйство не вытѣснялось капиталистическимъ, какъ то ожидали марксисты, но наоборотъ, несмотря на огромную поддержку самодержавія, простой конкуренціей, простымъ «естественнымъ отборомъ хозяйствъ», крестьянство въ Россіи быстро вытѣсняло капитализмъ изъ земледѣлія. Земскіе же начальники за 10-15 лѣтъ успѣли воспитать въ этомъ живучемъ, сильномъ крестьянствѣ глубокое разочарованіе, неуваженіе и прямо возмущеніе противъ посадившей ихъ самодержавной власти.

Крестьянство фактически въ массовыхъ размѣрахъ просто отжило налегій на него чиновничій законъ своимъ «самовольнымъ» «обычно-правовымъ» дѣйствіемъ. Законъ 1889 года, допустившій переселеніе на «новыя земли» лишь со спеціальнаго раз-

рѣшенія администраціи и грозившій «самовольнымъ» переселенцамъ возвращеніемъ на родину, подобно арестантамъ, по этапу, привелъ лишь къ тому, что «огромное большинство переселенцевъ оказались самовольными (напр., въ Томской губ. поселилось «самовольныхъ»: въ 1890 г. — 30 о/о, въ 1891 г. — 66 о/о, въ 1892 г. 84 о/о, въ 1893 г. 87 о/о и т. д.), и администраціи пришлось ихъ все равно поселять и легализовать, а чрезъ еѣсколько лѣтъ вообще фактически свести почти къ нулю примѣненіе этихъ ограниченій. Такова же была судьба закона 1896 года, попыткамъ его сдержать семейные раздѣлы, удержать «патріархальный» характеръ крестьянской семьи (уже тогда, впрочемъ, въ большой степени воображаемый) требованіемъ для нихъ разрѣшеній домохозяина и сельскаго общества: въ отзывахъ самихъ административныхъ «губернскихъ совѣщаній» въ серединѣ 90-хъ годовъ 37 изъ 39 совѣщаній указываютъ или слабое, или прямо почти нулевое примѣненіе закона (напр., по Минской губ. приходилось 5.500 «законныхъ» семейныхъ раздѣловъ на 46.800 «самовольныхъ», по Оренбургской вторыхъ было, по крайней мѣрѣ, въ 20 разъ больше, чѣмъ первыхъ, по Самарской. какъ говорить буквально совѣщаніе чиновниковъ, «законъ 1886 года остался мертвой буквой» и т.д. и т.д.).

Такъ-же былъ всецѣло отринутъ крестьянствомъ законъ 1893 года, запрещавшій общинамъ частные передѣлы земли и установившій минимальный 12-лѣтній срокъ для общихъ передѣловъ: рядъ точныхъ цифръ устанавливаетъ, что 12-лѣтніе сроки, — гдѣ они не были раньше приняты самими крестьянами, — не соблюдались, что частные передѣлы продолжались (напр., по Владимирской губерніи въ 1902 году, по свѣдѣніямъ самихъ волостныхъ правленій, — органа земскихъ начальниковъ, — эти запрещенные «самовольные» передѣлы практиковались въ 74, 5 о/о общинъ съ передѣлами), что болѣе того, какъ разъ въ 1894-95 г.г. поднялась усиленная волна передѣловъ, т.е. запретительный законъ далъ скорѣе прямо обратный результатъ. Вообще, пробужденіе общинной уже вполнѣ «самовольной», даже отчасти прямо нелегальной дѣятельности сдѣлало огромные шаги въ 90-е годы: передѣлы охватили почти всѣхъ государственныхъ крестьянъ и большую долю ранѣ пассивныхъ, бывшихъ крѣпостныхъ, такъ что, по дан-

нымъ земской статистики, провереннымъ рядомъ моихъ анкетъ къ моменту Первой Революціи, къ 1905-6 годамъ, лишь у 10 о/о крестьянскаго общиннаго населенія было безпередѣльное владѣніе, еще у 10 о/о — слабое зачаточное — передѣльное, а у остальныхъ 4/5 крестьянства общинно-передѣльное владѣніе, несмотря на всѣ препоны, силою собственной крестьянской самодѣятельности, функционировало и развивалось полнымъ ходомъ.

Наконецъ, въ 90-е же годы сдѣлалъ большой, небывалый шагъ впередъ прогрессъ сельскаго хозяйства у крестьянъ. По официальной статистикѣ, урожайность всѣхъ хлѣбныхъ въ пудахъ съ 1 десятины росла у крестьянъ 50 губ. Европейской Россіи такъ: въ 61-70 г. г. — 29 пудовъ, въ 71-80 г. г. — 31 п., въ 81-90 г. г. — 34 п., въ 91-1900 г. г. — 39 п., такъ что процентъ возрастанія все ускорялся: отъ 1-го къ 2-му десятилѣтію онъ былъ 107, отъ 2 къ 3 — 110 и отъ 3-го къ 4-му 115. Въ 90-е же годы началось массовое развитіе травосѣянія, переходъ къ многополью отъ трехполья и безпримѣрно быстрое распространеніе у крестьянъ улучшенныхъ орудій (такъ, напр., во Владимірской губ. еще въ 1897 году въ 67 о/о мѣстностей пахали только сохой, въ 1898 г. такихъ было уже только 52 о/о районовъ, а въ 1903 году — всего 18 о/о районовъ, т. е. въ 6 лѣтъ плугъ успѣлъ стать рядомъ съ сохой). Проснувшаяся новая могучая самодѣятельность крестьянства начала одинаково блестящія завоеванія, какъ въ уравнительномъ распредѣленіи земли, такъ и въ развитіи производительности земледѣлія.

И вотъ это-то десятилѣтіе, — четвертое послѣ реформы, — когда крестьянство впервые развернуло всю свою самодѣятельность, быстро стало развивать и организовывать свое хозяйство и свой мірской коллективизмъ, когда оно въ процессѣ этого могучаго строительства столкнулось съ желѣзной рѣшеткой самодержавія и переросло, пробило ее «самовольно», нелегально, т. е. по существу революціонно, — этотъ-то моментъ крестьянскаго расцвѣта выбрала интеллигенція, чтобы разочароваться въ крестьянствѣ, чтобы поставить крестъ надъ нимъ, чтобы порвать съ нимъ. Этотъ поразительный, трагическій историческій фактъ искажилъ послѣдующее развитіе Россіи, сталъ проклятіемъ Великой Русской Революціи.

7. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (1900-1906).

За сорокъ лѣтъ послѣ реформъ интеллигенція сильно измѣнилась, — очень разрослась количественно и переродилась качественно: изъ группы преимущественно культурной («образованное общество») и идеологической (людей мысли и идеала), кристаллизовалась въ группу въ значительной степени классовую (интеллектуальныхъ работниковъ). Уже это дало ей болѣе самодовлѣющее, отдѣльное отъ крестьянства устремленіе. Въ результатъ этого и въ связи съ предшествовавшими идеологіями и настроеніями, интеллигенція въ Первой Революці окончательно раскололась на три главныхъ теченія. Во-первыхъ, *буржуазно-либеральное* («кадеты», «октябристы» и т. п.), которое относилось къ мужику сверху внизъ (за вычетомъ своего лѣваго народническаго крыла). Во-вторыхъ, *марксистское*, социаль-демократическое, которое постепенно признало крестьянство предъ лицомъ фактовъ, лишь какъ силу демократіи, но отрицало его, какъ силу социализма. Въ-третьихъ, *народническое* (главнымъ образомъ въ лицѣ социаль-революціонеровъ), которое вновь явилось вмѣстѣ съ подъемомъ критико-активнаго революціоннаго настроенія, но которое, однако, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ было въ большинствѣ лишь нервнительнымъ, частичнымъ народничествомъ, стараясь стать какъ бы равнодѣйствующимъ между старымъ полнымъ народничествомъ и марксизмомъ и которое поэтому лишь отчасти повернулось къ крестьянству, но не смогло узнать и признать его вполне, слиться съ нимъ.

А именно. Аграрная теорія новаго народничества послѣ работы Вихляева, установившей выживание крестьянскаго хозяйства, какъ могущаго обойтись безъ ренты и прибыли, и работы Ник. Черненкова, основавшаго позитивную теорію крестьянскаго хозяйства, какъ динамическаго круговорота семей-хозяйствъ вокругъ нѣкотораго средняго уровня,—признала твердо *живучесть и силу трудового крестьянскаго хозяйства*. Но работы по общинѣ В. В., Кауфмана и моя еще далеко не вскрыли всей силы и глубины, всей быстроты развитія *крестьянскаго коллективизма*

въ общинѣ, артели, коопераціи, установили лишь его существованіе, его возможности, и новое ослабленное скептическое народничество *не сдѣлало, подобно старому, крестьянскій коллективизмъ своей базой*. Поэтому и практически оно всецѣло сосредоточилось только на борьбѣ за внѣшній политическій актъ, *соціализаціи земли*, на организаціи крестьянства, какъ *демократіи*, но не вошло внутрь «самовольнаго» *соціального классоваго коллективистическаго творчества крестьянства* (подобно тому, какъ о томъ — тщетно — мечтали синдикалисты для пролетаріата), не сдѣлало исторически выросшій *мірской коллективизмъ органической базой всего соціального строительства Россіи*.

Между тѣмъ тотъ разительный фактъ, что русское крестьянство уже въ Первой Революціи сразу и всецѣло стало силой не *анархо-революціонной*, а *демократически-революціонной*, — этотъ великій фактъ, въ которомъ вся сила и все будущее Русской Революціи, объясняется единственно лишь тѣмъ *соціально-политическимъ самовоспитаніемъ*, которое получило крестьянство въ своихъ «*мірахъ*». Ибо уже какъ *ячейка коопераціи*, община, подобно всякой коопераціи, воспитывая общую соціальную самодѣятельность, воспитываетъ своихъ членовъ и *политически, демократически*. Но «*міръ*», «*сельскій сходъ*» являлся и является *универсальнымъ, интегральнымъ коллективомъ*, не только экономическимъ, но и культурнымъ и политическимъ, ибо онъ также и *органъ самоуправленія*. Такъ что въ то время, какъ наши *интеллигенты и городскіе пролетаріи*, почти безправные политически при царизмѣ, были *демократами лишь въ теоріи, въ идеологіи, въ мечтахъ*, въ это время *мужики были искони практиками демократіи, обладая въ лицъ вѣчевого сельскаго схода огромнымъ опытомъ и формой прямого, полного народовластія*.

И вотъ, въ крестьянскомъ движеніи въ Первой Революціи были двѣ различныхъ волны. Первая — бурная, гнѣстная, замутненная анархіей и полуразрушительная: «захватъ земель» и «разборка усадебъ» помѣщиковъ, преимущественно крестьянами бывшими крѣпостными, минимально автономными въ прошломъ и минимально воспитанными въ *мірской вѣчевой демократіи*. Ихъ мотивъ былъ преимущественно «Земля» и въ гораздо меньшей

степени «Воля», но и они очень быстро на опытъ поняли, что безъ «Воли» не будетъ и «Земли» и повернули въ русло революціонной демократіи. Другая-же волна, — болѣе медленная и спокойная, но болѣе сильная, глубокая и созидательная, — была представлена «первосортнымъ» государственнымъ большинствомъ крестьянства, мало участвовавшимъ въ захватахъ земель, но славшимъ тысячи революціонныхъ «мірскихъ приговоровъ» и съ каждымъ выборомъ посылавшимъ все болѣе лѣвыхъ и народническихъ депутатовъ. Его мотивъ былъ настолько же «Воля», насколько «Земля», даже *прежде «Воля», чѣмъ «Земля»*, ибо въ большинствѣ случаевъ фактически ему нечего и некого было захватывать и ему надо было лишь *«освобожденіе земли», «освобожденіе переселенія, общинной самостоятельности, семейно-трудоваго быта, всей его жизни, отъ ставшей нестерпимой бюрократической рѣшетки.* Основная крестьянская революціонная волна стремилась просто *смести все преграды «самовольному» крестьянскому социальному строительству*, стать такимъ же хозяиномъ земли и государства, какимъ мужикъ чувствовалъ себя на своемъ мірскомъ вѣчѣ.

Предъ этимъ великимъ первымъ порывомъ русскаго крестьянства къ демократіи и коллективизму интеллигенція предстала, далекая, отдѣленная отъ него и раздѣленная внутри себя междоусобной борьбой. Буржуазная интеллигенція желала повести сама крестьянство, вмѣсто самодержавія, на болѣе вольномъ, культурномъ поведѣ. Марксисты желали вручить эти вожжи для управленія крестьянствомъ пролетаріату или своей пролетарской партіи. Народники представили наилучшую для крестьянства политическую программу и честно боролись за нее, но мало знали крестьянство: оно горячо увѣровало въ нихъ, они же потеряли старую душевную въ него вѣру своихъ отцовъ, но не обрѣли новой.

8. КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ (1907-1913)

Какъ съ подъемомъ революціи возродилось въ интеллигенціи народничество, или, по крайней мѣрѣ, полу-народничество, такъ съ пораженьемъ ея, съ торжествомъ контръ-революціи, вновь услалилось буржуазное и марксистское и, *въ томъ или иномъ смыслѣ,*

крестьянобобское течение. Начала Столыпинымъ, указомъ 9 ноября 1906 г., борьба противъ общины встрѣтила со стороны либеральной и социаль-демократической интеллигенціи (за малыми исключениями) лишь формальную оппозицію. Самый насильственный принципъ указа — захватъ отдѣльными лицами земель общинныхъ коллективовъ, безъ согласія послѣднихъ, въ личную собственность, — былъ принятъ социаль-демократической фракціей Государственной Думы; марксистскіе публицисты, а за ними нѣкоторые народническіе (Огановскій, Сухановъ) раздували размѣры выходовъ изъ общины больше даже, чѣмъ сами бюрократы; велась нѣкоторыми марксистами прямая агитація противъ общины, организовалась юридическая помощь выходцамъ, словомъ оказывалась даже поддержка борьбѣ контръ-революціи противъ крестьянскаго коллективизма. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ литературѣ началось изображеніе мужиковъ (Гаринимъ, Бунинимъ, Родіоновимъ и другими) въ почти сплошныхъ черныхъ краскахъ, какъ массы тупой, жалкой, даже преступной и вырождающейся.

Правда, явились и яркія народническія струи. Явилось такъ сказать «природо-народничество» въ эстетикѣ, отчасти въ беллетристикѣ и особенно въ поэзіи. Началось историческое изученіе теоріи и практики народничества. Продолжалось построеніе теоріи трудового крестьянскаго хозяйства. Оживилось изученіе исторіи крестьянской общины, вскрывшее глубокіе, жизненные ея корни. Наконецъ, даже въ директивахъ социаль-революціонной партіи (на IV и V Совѣтахъ) въ 1907 г. явились впервые рѣшительныя народническія формулы о внимательствѣ во всѣ стороны жизни сельскаго общества, о выработкѣ въ крестьянствѣ цѣлостнаго социально-революціоннаго міровоззрѣнія, особенно ствѣчающаго на этическіе запросы крестьянства. Но всѣ эти струи не успѣли выбиться на поверхность, окрѣпнуть и слиться въ цѣльный теоретическій синтезъ, и особенно, — благодаря тому, что изъ лучшихъ силъ новаго народничества многія тысячи погибли или ушли на каторгу, въ ссылку, въ эмиграцію, — не успѣли пройти въ жизнь, не успѣли связать народническую интеллигенцію съ крестьянствомъ. Она нѣсколько обслуживала его культурными и кооперативными организаціи, но совсѣмъ не понала внутрь его — въ

общину — и даже полу-раздѣляла общее мнѣніе о ея разможеніи послѣ указа 9-го ноября.

Однако, несмотря на то, что Столыпинъ, понявъ, что община несетъ смерть самодержавію, сдѣлалъ борьбу противъ нея, по собственному выраженію, «осью внутренней политики», поставилъ на эту борьбу послѣднюю ставку, крестьянство само, безъ всякой помощи извнѣ, одержало полную побѣду въ этой схваткѣ не на жизнь, а на смерть. Во-первыхъ, вопреки условіямъ выходовъ, дававшимъ фактически премію выходцамъ, вопреки огромному изю всѣхъ силъ давленію всего бюрократическаго аппарата, выходы только въ первый моментъ разгрома революціи и паники поднялись до высокой цифры, а затѣмъ стали быстро падать, а именно за 8 лѣтъ съ 1907 по 1914 г. (по комбинированному подсчету представленныхъ самой бюрократіей данныхъ о всѣхъ выходахъ выходовъ):

Въ годы:	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Вышло тысячъ семей:	52	533	647	427	402	265	311	237

Затѣмъ въ 1915 г. выходы сошли совсѣмъ къ ничтожной цифрѣ и были приостановлены, въ виду огромнаго экономическаго и социальнаго вреда, самой администраціей, а послѣ революціи выходы тотчасъ массами возвратились въ общину. Во-вторыхъ, въ Столыпинскія сѣти попали не «крѣпкіе и сильные» крестьяне, на которыхъ онъ ставилъ всю «ставку», а какъ разъ, во всѣхъ смыслахъ, низшіе по качеству, послѣдняго, такъ сказать, сорта крестьяне: преимущественно бывшіе крѣпостные изъ безпередѣльных или слабопередѣльных общинъ, преимущественно, семьи мелкія, слабохозяйныя, а въ большой долѣ прямо безхозяйныя. Въ третьихъ, — выходы были полу-фигтивные, ибо выходы оставались связанными съ общиной множествомъ нитей (такъ что, наприм., въ Тверской губ. въ 75 о/о выходовъ были черезъ нѣсколько лѣтъ крестьянами стерты границы черезполосныхъ укрѣпленцевъ въ силу необходимости общаго сѣвооборота). Такимъ образомъ, еще до революціи самовольный общинный крестьянскій коллективизмъ одержалъ побѣду въ борьбѣ съ самодержавіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ эти годы стала на ноги и сдѣлала огром-

ные шаги крестьянская культура. Крестьянство уже съ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ заводило свои школы, принимало огромное участіе въ земскихъ; въ пѣкоторыхъ казачьихъ областяхъ уже съ 70 г. установлено всеобщее обязательное обученіе; послѣ-же революціи школы, бібліотеки, чтеніе газетъ и брошюръ въ чайныхъ, на сходахъ, въ кружкахъ получило огромное распространеніе. Отвѣты на мои анкеты категорически устанавливаютъ переходъ вліянія на сходахъ отъ стариковъ и кулаковъ къ молодымъ, бѣднымъ и среднимъ, грамотнымъ хозяевамъ, быстрое сокращеніе на сходахъ пьянства (это указывается и въ другихъ данныхъ) и злоупотребленій, необыкновенно быстрое улучшеніе положенія крестьянской женщины. Закрытіе кабаковъ, прежде чѣмъ стало правительственнымъ, было распространеннымъ мірскимъ дѣйствіемъ. Явились хоры и театры въ деревнѣ изъ самихъ крестьянъ. И вмѣстѣ съ этимъ началось столь-же безпримѣрно быстрое развитіе мѣшовой кооперациі. Въ 10 лѣтъ крестьянство окултурилось, модернизовалось,—вмѣстѣ съ побѣдоносной борьбой за свой мірекой коллективизмъ, въ самомъ процессѣ этой борьбы — такъ, какъ раньше не смогло-бы и въ пятидесятилѣтіе.

Интеллигенція-же, обезсиленная, обезкровленная въ революціи, лишь издали и слабо помогала этой великой позитивной работѣ. Въ новыхъ «исканіяхъ» и въ большихъ метаніяхъ она не видѣла небывалой въ исторіи метаморфозы крестьянства, въ нѣдрахъ котораго уже *творилась* Великая Русская Революція.

9. ВОЙНА И МАРТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ (1914-1917).

Война, а затѣмъ революція застали крестьянство и интеллигенцію совершенно раздѣленными, живущими собственной, глубоко различной жизнью. Интеллигенція была частью крестьянофильской, но обычно лишь платонически и абстрактно и рѣдко дѣйствительно, частью была равнодушной, частью прямо крестьянофобской. Она, правда, уже шла къ крестьянству, она-бы вскорѣ въ большой части должна была-бы придти къ нему, войти въ его орбиту, когда его растущая сила вышла-бы наружу, заставила-бы увидѣть себя, и когда, съ другой стороны, назрѣло-бы новое кри-

тико-активное настроеніе ума и духа у самой интеллигенціи. Но налетѣлъ внезапно вихрь войны, а за нею революціи и съимпровизировать тутъ-же это прозрѣніе и вдохновеніе, это знаніе и признаніе крестьянства, конечно, интеллигенціи оказалось невозмож-но. А между тѣмъ налетѣвшія событія требовали немедленныхъ рѣшеній, программъ дѣйствій, и крестьянство съ глубокимъ довѣ-ріемъ ждало ихъ отъ интеллигенціи, хотѣло видѣть въ ней своего вождя.

Правда, въ первый моментъ войны, какъ будто интеллигенція слялась съ крестьянствомъ въ единомъ глубокомъ этическомъ порывѣ. И какъ сто лѣтъ назадъ изъ войны и патриотизма родилось народничество у лѣвыхъ декабристовъ, такъ и теперь въ интеллигенціи явились было нѣкоторыя прямо народническія теченія. Работа интеллигентовъ въ коопераціи воодушевилась, просвѣт-лѣла, открыла имъ ярче ликъ крестьянскаго коллективизма; арте-ли учащейся молодежи, отправившейся обрабатывать мужицкія поля, представили какъ-бы новую форму хожденія въ народъ, мно-го офицерства погибло въ битвахъ въ братскомъ единеніи съ сол-датами, считая, что гибнуть за свободу, за народъ. Но этотъ эти-ческій порывъ не перелился въ цѣльную политическую директиву, въ твердую, позитивную, конкретную программу, а наоборотъ, быстро вытѣснился въ интеллигенціи негативными и антидемо-кратическими, антинродническими ея тенденціями. Буржуазная интеллигенція окрасила цѣли войны имперіализмомъ, а въ соціа-листической возобладала чисто негативная форма Циммервальда. И то, и другое было просто непонятно, абсолютно непріемлемо народнымъ массамъ, и только демагогическая проповѣдь больше-визма «вмѣсто войны революція» отвѣчала ближе ихъ возбужден-ному до апогея революціонному чувству. И тутъ между небольше-вистской интеллигенціей и крестьянствомъ разверзлась пропасть.

Такая-же пропасть раздѣлила интеллигенцію отъ крестьянст-ва и въ революціи. Трудно указать, въ чемъ состояло это разъеди-неніе: *невозможно указать, въ чемъ собственно состояло ихъ единеніе*. Поспѣшила-ли интеллигенція, обладая фактически мо-ральной диктатурой въ первый періодъ революціи, хотя-бы фор-мально передать власть крестьянству, какъ огромному большин-

ству народа, созвавъ немедленно, — не въ восемь мѣсяцевъ, а въ восемь недѣль (какъ это потомъ сдѣлали нѣмцы). — Учредительное Собрание? Нѣтъ. Дала-ли, по крайней мѣрѣ, интеллигенція полный просторъ непосредственной самодѣятельности крестьянства въ его мѣстныхъ вѣщахъ? Отлюдь нѣтъ. Игнорируя самую основу крестьянской жизни и коллективизма — общину и сельское общество, — интеллигенція фактически пыталась бюрократизировать вѣчевую крестьянскую демократію, перенося всю власть съ мѣрскаго схода въ выборные спеціальныя комитеты, смысла которыхъ крестьяне не понимали, и которые были лишь актами отреченія отъ прямой самодѣятельности. Слилась-ли наконецъ, интеллигенція съ крестьянствомъ въ непосредственномъ общеніи, бросилась-ли она теперь, когда ничто не препятствовало, въ самую глубь деревни, — какъ пыталась это сдѣлать въ 70-е годы, на служеніе крестьянству, на изученіе его колоссальнаго опыта социальнаго творчества, на участіе въ этомъ творествѣ? Увы, 99/100 интеллигентовъ остались въ городахъ. Между интеллигенціей и крестьянствомъ оказалась зияющая пропасть, и именно по ней проникъ и овладѣлъ Россіей большевизмъ.

Не то переживало, не то дѣлало крестьянство въ войнѣ и революціи. Когда интеллигентская печать восторженно весной 1917 года повторяла: «чудо, свѣтлое чудо!» — то она видѣла, увы, только праздничныя одежды революціи, но не прекрасное и могучее ея тѣло, не безсмертную ея душу. Въ самомъ внезапномъ исчезновеніи деспотизма и явленіи свободы не было никакого чуда: всякій, кто зналъ жизнь Россіи и народа, долженъ былъ это предвидѣть, ибо долженъ былъ видѣть насколько царизмъ отсохъ, отгнилъ. Но чудо — свѣтлое чудо — состояло не въ этомъ негативномъ фактѣ исчезновенія царизма, а въ позитивномъ фактѣ поведенія крестьянства, въ его демократическомъ и коллективистическомъ строительствѣ въ войнѣ и въ первый свободный періодъ революціи.

Прежде всего это было завершеніе могучаго расцвѣта кооперации. Возмужавшее въ «самовольномъ» трудѣ и борьбѣ, русское крестьянство не растерялось отъ ухода изъ деревни 15 милліоновъ работниковъ, а бросилось работать, хозяйствовать, организовать. Уже на рубежѣ 20-го вѣка, вмѣстѣ съ окончательнымъ утвержде-

нiемъ общины, съ модернизациею ея, изъ нея развѣтвилась и мѣновая кооперація, затѣмъ, какъ разъ въ кризисъ общиноборства, она сдѣлала первые мощные успѣхи и, наконецъ, съ войной ея развитіе приняло гигантскіе размѣры и пошло съ нигдѣ въ мірѣ невиданной быстротой. Въ общемъ къ 1 января 1917 г., въ 10-15 лѣтъ, въ Россіи возникло около 16 тысячъ однихъ кредитныхъ кооперативовъ и въ нихъ болѣе 10 милліоновъ членовъ, а со всякими другими мѣновыми кооперативами не менѣе 12-ти милл. крестьянскихъ семей, т. е. до 2/3 крестьянства было объединено въ *многочисленной* коопераціи. Но кромѣ этого верхняго, всѣмъ видимаго этажа русскаго крестьянскаго коллективизма, построился почти никѣмъ незамѣчавшійся нижній этажъ, — мелкой частичной *производственной* коопераціи въ видѣ «большихъ семей», «супругъ», артелей, товариществъ по обработкѣ полей, переработкѣ продуктовъ, которыя во множествѣ комбинацій и формъ являлись зародышемъ коллективнаго земледѣлія и, такъ или иначе, затрагивали тоже милліоны крестьянскихъ хозяйствъ, тоже значительное большинство ихъ. И вотъ въ усиліяхъ выстоять въ войнѣ эта производственная кооперація съ помощью общины приняла сразу массовые размѣры, общинныя запашки (части общинной земли) стали охватывать массы обществъ; на примѣръ, въ Екатеринбургской губ. изъ 3 тысячъ общинъ, 1.056 обрабатывали своимъ трудомъ поля призванныхъ въ солдаты, въ другихъ мѣстахъ сообщалось о прямо сплошной мірской помощи. И въ результатъ посѣвы у крестьянъ или не уменьшались, или уменьшались слабо, а иногда даже увеличивались, — на примѣръ, въ Самарской губ. въ 1915 г. они увеличились на 200.000 десятинъ.

И самымъ «свѣтлымъ чудомъ» явилось крестьянство въ революціи. Какъ по мановенію волшебнаго жезла власть почти исчезла въ Россіи, и что-же сдѣлала пресловутая «темная», «рабская», «безграмотная», «преступная» крестьянская масса? Нигдѣ не оказалось больше порядка, права, труда и патріотизма, какъ въ ней. И въ самой деревнѣ — даже по самымъ враждебнымъ обличеніямъ по крайней мѣрѣ шесть мѣсяцевъ — до Корнилова и большевизма — почти не было захвата земель. Въ то время, какъ въ городахъ рабочіе постепенно переставали работать, и большевизмъ быстро деморализовалъ солдатъ. въ деревнѣ «самовольство»

оказалось самоуправленіемъ, хранившимъ, даже отчасти развивавшимъ порядокъ и хозяйство. Напримѣръ, въ Воронежской губ. (по докладу депутата Мамкина на историческомъ засѣданіи Учредительнаго Собранія) въ 1917 г. освобожденное крестьянство сумѣло увеличить посѣвы на 17 0/0 по сравненію съ 1916 г. И крестьянство почти не заразилось большевизмомъ и, отдавъ почти силою свои голоса социаль-революціонерамъ, стало основой Учредительнаго Собранія и демократія. Но интеллигенція не успѣла разглядѣть этого великаго, несокрушимаго строительнаго мурaveйника крестьянской коллективистической демократіи. Она безъ общенія съ нимъ, не глядя на него, не продѣлала, а протрадала революцію. И, конечно, отдѣльно отъ основной, органической, исторической силы—крестьянства—она могла только проиграть революцію.

10. АНАРХО-ДЕСПОТІЯ СЪ 1918 г.

Такъ какъ интеллигенція, — сила спиритуальная, идеологическая, — поведшая первоначально революцію подъ своей моральной диктатурой, не слилась тотчасъ-же съ крестьянствомъ, — основной *органической* и позитивной силой Россіи, — то революцію охватила сила *механическая* и негативная: — физическая диктатура рабоче-солдатскихъ толпъ, обезличенной людской пыли городовъ, — сила, способная разрушать, но не строить, т. е. сила не революціонно-демократическая, а анархо-деспотическая, получившая свою идеологию и технику въ большевизмъ. И этимъ самымъ интеллигенція, какъ самостоятельная *спиритуальная* сила, уже раньше надтреснувшая, была окончательно разбита, раздроблена и разбросана въ разныхъ направленіяхъ, обратившись въ техническіе придатки къ борющимся *механическимъ* силамъ. Часть марксистской и буржуазной интеллигенціи составила властвующую бюрократію большевистской и контръ-революціонныхъ диктатуръ: она глубоко развращена либо властью, либо хищничествомъ и стала прямо врагомъ, прямо палачомъ крестьянства. Другая часть интеллигенціи всѣхъ направленій, — быть можетъ, большинство, — голодомъ и рабствомъ обращена на пассивную службу тѣмъ или инымъ диктаторамъ: ея *спиритуальный* ликъ

стерть и загрязненъ и фактически она вынуждена служить противъ крестьянства. Только нѣкоторая часть, во время ускользнувъ въ эмиграцію, осталась свободной, самой собой, и хотя далеко отъ крестьянства, но избѣгла развращающей и прямо противокрестьянской позиціи. И, наконецъ, лишь остальное меньшинство интеллигенціи, частью просто сельской, какъ учителя и духовенство, частью лучшихъ морально или наиболее народническихъ элементовъ — оказалось не противъ и не внѣ крестьянства, а вмѣстѣ съ нимъ физически и духовно.

При такомъ положеніи и въ связи съ предшествующей исторіей каково-же оказывается теперь отношеніе интеллигенціи къ крестьянству? Надо думать — и это уже прямо просвѣчиваетъ въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, — что часть интеллигенціи, переживающая періодъ анархо-деспотіи вмѣстѣ съ крестьянствомъ, углубила свое знаніе и признаніе его, сроднилась съ нимъ и станетъ основнымъ зерномъ *той будущей крестьянофильской народнической интеллигенціи, которой единственно повѣритъ и дастъ силу само крестьянство*. Но остальные три слоя интеллигенціи: диктаторская, порабощенная и бѣжавшая — не только поневолѣ остаются при прежнемъ незнаніи и непризнаніи крестьянства, но иные, наиболее озлобленные, впадаютъ порой прямо въ нехотоз крестьянофобства. Всѣ, конечно, на словахъ клянутся крестьянствомъ и пытаются завоевать его поддержку то широчайшими обѣщаніями, то жалкими подачками. Больше того, получилось единогласное — теперь даже со стороны марксистовъ-большевиковъ — *признаніе силы крестьянскаго трудового хозяйства*. Но къ крестьянству, какъ къ глубокой вѣчевой мірской демократіи, и особенно къ крестьянскому мірскому коллективизму большинство интеллигенціи всѣхъ типовъ попрежнему остается чуждо и отчасти прямо враждебно. Почти никто еще не подошелъ къ пониманію того, что крестьянство не только количественно есть хозяинъ Россіи, но и качественно есть единственный органический, вѣковымъ опытомъ организованный демократическій классъ Россіи, а считаютъ его пассивной политической массой, которую и въ будущемъ кто-то куда-то будетъ «вести». И почти всѣ повторяютъ, конечно, безъ тѣни фактовъ и цифръ, будто именно теперь, подъ большевизмомъ и расцвѣли во-всю «мелкобуржуазность», «собст-

венничество», «скопидомство», вообще самый крайний антиколлективизм крестьянства.

Но довольно мало-мальски серьезно разобраться в признанных большевиками общих фактах и в их собственных актах и цифрах, чтобы, при всем их злостном крестьянофобстве, с достоверностью установить полное безсилie большевистской анархо-деспотии, прямо-ли, косвенно-ли, — не скажу разрушить крестьянскую мирскую вѣлевую демократію и крестьянскій общинно-кооперативный коллективизм, — но хотя бы глубоко и длительно подорвать их. Вот кратчайшій перечень этих фактовъ.

Прежде всего прямое воздѣйствіе большевизма, какъ и контрреволюціонныхъ диктатуръ, на крестьянство крайне слабо, если не прямо ничтожно. Это всецѣло признаютъ, на это непрерывно жалуются сами большевики: рѣчи коммунистовъ-пропагандистовъ остаются безъ всякаго резонанса, газеты не доходятъ или идутъ на цыгарки. цѣлыми мѣсяцами декреты не доходятъ до деревни и вызываютъ лишь отписки и переписки, цѣлыя мѣстности остаются сплошь и рядомъ безъ совѣтскихъ крестьянскихъ органовъ, или съ бездѣйствующими органами и т.д. и т.д. Ленинъ пытался было вначалѣ взять крѣпко мужика за шиворотъ чрезъ «комитеты крестьянской бѣдности», но настоящей бѣдности, — какъ юмористически пришлось описывать самому Ю. Ларину, — въ деревнѣ не оказалось, а явившійся сбродъ прямо истреблялся крестьянами. вызывая хроническое возстаніе, и уже въ первый же годъ пришлось послѣшно ихъ отмѣнить и искать, если не мира, то перемирія съ «крестьяниномъ-середнякомъ», несокрушимую силу котораго марксисты-большевики тутъ впервые на опытъ увидѣли. Съ тѣхъ поръ большевики и стараются какъ можно меньше трогать крестьянство: и вотъ резюме создавашагося положенія въ словахъ самого крестьянина: «при большевикахъ мы какъ-то въ сторонѣ. При царѣ-то надъ нами командовали, а большевики больше надъ собой командуютъ»... Уже отсюда ясно, что, если и вѣками вѣдрившійся въ крестьянство царско-бюрократическій аппаратъ оказался внѣ крестьянской жизни, и безсильнымъ предъ мирскимъ самовольствомъ, то тѣмъ болѣе ничтожно могло быть воздѣйствіе мимолетной большевистской бюрократической импровизаціи.

Съ другой стороны, поскольку воздѣйствіе все-таки было, оно было почти исключительно одиознымъ. Крестьянство было взято подъ диктатуру города, — пять крестьянскихъ голосовъ на выборахъ равны одному пролетарскому, имъ командуютъ, отъ него требуютъ кормленія города, а взаменъ не даютъ почти ничего. Крестьяне абсолютно точно формулируютъ характеръ большевистской власти, когда говорятъ: «прежде была барщина, теперь совѣтчина». За выключеніемъ декорации культурной дѣятельности. Впрочемъ тоже деспотической или надѣвательской, большевизмъ представляется крестьянству въ видѣ «заграбительныхъ отрядовъ». Поскольку, значить, есть нѣкоторое воздѣйствіе большевизма на деревню, оно почти дѣйствомъ сводится къ *отрицательному* результату: большевизмъ не вноситъ въ нее ничего своего, а лишь *возбуждаетъ въ крестьянствѣ энергію противодействія*. И дѣйствительно, въ безчисленныхъ отчетахъ и рѣчахъ, начиная съ самого Ленина, большевики сами признаютъ, что крестьянская масса остается имъ непримиримо враждебной и борется противъ нихъ, насколько хватаетъ силъ. Такъ какъ большевики успѣли захватить почти все вооруженіе, то крестьянамъ пока не удастся ихъ сбросить силой, но отчаянныя попытки возстаній не прекращаются, и даже по большевистскимъ источникамъ это — хроническая кровопролитная война. Зато пассивное сопротивленіе — бойкотъ продуктами и работами — удается лучше: большевистскіе — и иные — города наполовину выморены голодомъ. Но это средство самоубійственное, само крестьянское хозяйство гибнетъ, и съ этого неурожайнаго года *по собственной статистикѣ большевиковъ миллионамъ крестьянъ грозитъ голодная смерть*. Въ моментъ, когда я пишу эти строки, *борьба противъ большевизма становится для крестьянства буквально вопросомъ жизни или смерти*.

Ясно, такимъ образомъ, что прямое воздѣйствіе большевизма, какъ и иныхъ узурпаторовъ, совершенно безсильное войти внутрь крестьянства, сломать его, и лишь возбуждающее его къ отчаянному противодействію, играетъ и можетъ играть только одну роль: *выковыпывать, закалять, доводить до высшаго сознанія и до крайняго напряженія классовую энергію трудового крестьянства*.

Оно видит себя окруженным «миромъ враговъ», не вѣрить больше никому, кромѣ самого себя. И отнынѣ русская деревня не возводитъ больше городу командовать надъ собой.

Но не внесъ-ли большевизмъ разложение въ крестьянскій демократизмъ и коллективизмъ какимъ-либо косвеннымъ путемъ?

Что касается крестьянскаго міра, какъ *ячейки демократіи*, то его роль и сила могли, очевидно, только въ огромной степени *возрасти*: вѣдь, за разрушеніемъ почти партій и коопераций (мѣнновой), именно сельскій міръ остался единственнымъ центромъ и органомъ классовой культурной жизни и классовой политической борьбы крестьянства. Вѣдь, если уже въ 1912 г., когда крестьянство еще лишь пробуждалось и получало кое-что извнѣ отъ земства и государства, сельскіе сходы были прямо универсальны и рассуждали, какъ буквально отвѣчали на мою анкету сами крестьяне, «обо всемъ», то теперь, когда крестьянство очутилось въ мірѣ деспотическихъ враговъ и анархической разрухи, очевидно, почти вся жизнь его сосредоточилась на его «самовольныхъ» вѣчахъ или, въ случаяхъ нелегальныхъ, на ихъ частичныхъ конспиративныхъ суррогатахъ. И, если уже въ тѣхъ же анкетахъ 1902г. я нашелъ даже у тѣхъ крестьянъ, которые жестоко критиковали тогдашнее состояніе сельскаго міра, категорическое призваніе его необходимости, какъ «*средства отбоя отъ всехъ враговъ крестьянства*», то теперь неизбежно именно онъ и только онъ сталъ этой цитаделью крестьянской демократіи: въ мірскихъ притоворахъ (какъ въ первую революцію) она заявляетъ свою политическую волю, къ мірскимъ сходамъ приходится обращаться даже комиссарамъ большевиковъ, мірскіе же сходы сбросили комитеты деревенской бѣдности, мірскіе же сходы встаютъ противъ большевиковъ, когда лопнетъ терпѣніе и на мірскихъ же сходахъ родится подлинная русская революціонная демократія.

Косвенное воздѣйствіе большевизма на *общинный коллективизмъ*, правда, было болѣе зловреднымъ: здѣсь, увы, оправдались выраженныя мною еще въ «Народномъ Правѣ» въ 1906 г. опасенія относительно анархическаго захвата земель крестьянами. Большевикамъ удалось, въ значительной степени, заразить крестьянство разлагающимъ лозунгомъ «*грабь грабителей*»: распределение помѣщичьихъ земель, повидимому, въ большой долѣ про-

шло неуравнительно, случайно, насильственно, захватно, междуусобно. Но есть целый ряд фактов первостепеннаго значенія, каждаго изъ которыхъ было бы уже достаточно, чтобы установить, что это зло *лишь частичное и быстро преходящее*.

А именно. Во-первыхъ, вообще говоря, всѣ общины побывали въ такомъ и еще гораздо худшемъ положеніи; вѣдь все общинное землевладѣніе родилось именно изъ захватнаго и притомъ тогда неравномѣрность была гораздо больше, индивидуальныя права захватчиковъ неизмѣримо сильнѣе и длительнѣе, а община несравненно слабѣе.

Во-вторыхъ, вѣдь община только что, при Столыпинѣ, уже пережила подобный, но еще гораздо болѣе тяжелый кризисъ, ибо тогда междуусобіе было не междуобщиннымъ, а внутриобщиннымъ, и тогда община была гораздо слабѣе, теперь же она въ огромной степени закалена, иммунизирована именно Столыпинскимъ опытомъ: какъ послѣ паденія самодержавія столыпинскіе выходцы изъ общины тотчасъ въ нее вернулись, такъ послѣ конца большевизма ленинскіе «передѣлы» смѣнятся подлинными міреками. Больше того, это уже и происходитъ: не только уже въ столь скудныхъ наблюденіяхъ, проскальзывающихъ въ печать, указывается на стремленіе крестьянъ исправить земельное перераспредѣленіе, но въ общинахъ *передѣлы несомненно уже сейчасъ происходятъ*, ибо Ленинъ издалъ декретъ ихъ ограничивающій, а въ большевистской печати говорятъ о полномъ ихъ запрещеніи, вообще уже, по примѣру Столыпина, ведется прямая борьба противъ нихъ.

Въ-третьихъ, надо имѣть въ виду, — и это особенно важно, — что уже въ силу просто топографическихъ условий, захватъ помѣщичьихъ земель совершился преимущественно бывшими крѣпостными, такъ что и разлагающее вліяніе захвата сосредоточилось въ этомъ меньшинствѣ и могло лишь слабо коснуться бывшего «государственнаго» большинства крестьянства.

Въ-четвертыхъ, наконецъ, все зло вѣдь ограничивается временной неравномѣрностью въ пользованіи малой долей земли (ибо помѣщичье, т. е. нетрудовое землевладѣніе составляло всего отъ 1/10 до 1/5 культурной земледѣльческой площади), а не въ возникновеніи новой частной собственности: вѣдь вся собственность на землю отмѣнена *самимъ же крестьянствомъ, которое*

вотировало трудовую социализацию всей земли въ Россіи. 120 миллионовъ крестьянъ, — а въ томъ числѣ и столь же добровольно и сознательно 20 миллионовъ украинскихъ подворныхъ собственниковъ, особе и прямо вотировавшихъ въ декабрь 1917 года въ Киевѣ, — отдали добровольно государству всю свою частную земельную собственность въ обменъ только на общегражданское право всѣхъ на трудовое пользованіе землей. Вышнее большевистское воздѣйствіе могло частично и временно саботировать функционированіе этого государственно-общиннаго земельного режима, но чтобы говорить о «собственничествѣ» тѣхъ, кто только что добровольно отдалъ высшему коллективу свою собственность, нужна та оторванность отъ собственнаго народа, въ которую ввергнута была исторіей русская интеллигенція.

Одинъ англійскій администраторъ въ Индіи писалъ о ней еще въ 1830 г.: «... Переворотъ слѣдуетъ за переворотомъ, сверху смѣняются индусы, натаны, монголы, маратты, сикхи, англичане... Но деревенская община остается, когда все погибаетъ». То же теперь происходитъ и въ Россіи, въ которой сельскій міръ пережили и татары, и Іоанна Грознаго, и Петра Великаго, и Николая II-го съ его Столыпинымъ и который теперь переживаетъ марксистскаго Герострата Ленина, уже модернизовавшись и уже перестроивъ по своему образу и подобию весь земельный строй Россіи. Но въ то время, какъ индійская революціонная интеллигенція строитъ теперь — слѣдуя отчасти за русскимъ же народничествомъ! — именно на этой своей общиннѣ революцію въ Индіи, въ это время наша интеллигенція, переживая частрое «разбитой арміи», отрекается отъ этой мірской основы всей російской крестьянской демократіи, отъ того высшаго творчества своего народа, своего отечества, которое озаряетъ пути всему человечеству.

11. НОВЫЕ ПУТИ.

Заканчиваю эту краткую, какъ бы «докладную записку» для интеллигенціи о судьбахъ крестьянства и о ея отношеніи къ нему, такимъ же практическимъ выводомъ, какимъ сопровождалъ и прежнія работы. Въ 1906 г. въ «Народномъ Правѣ» я писалъ:

...«Въ народѣ, что въ тучѣ — въ грозу все наружу выйдетъ... Что выйдетъ наружу?.. Надо узнать эту силу сейчасъ же, сегодня же, ибо завтра будетъ поздно»... Въ статьѣ: «Быть или не быть общинѣ въ Россіи» въ 1912 г. (въ «Завѣтахъ») я, усиливаясь бороться противъ тогдашняго паническаго отреченія отъ общины и доказать на цифрахъ ея силу, указывалъ, что «выходъ... только одинъ: новый походъ интеллигенціи въ народъ», что «разобщеніе между ними, быть можетъ, еще болѣе грозно для интеллигенціи, чѣмъ для крестьянства...» И вотъ, гроза разразилась, и оторванность интеллигенціи отъ крестьянства закончилась катастрофой, еще гораздо болѣе страшной, чѣмъ тогда можно было представить себѣ. Неужели же и теперь будетъ продолжать даже лучшая часть интеллигенціи не знать крестьянства и не признавать въ крестьянствѣ то высшее, то великое, что въ немъ есть, не пойметъ, что въ этихъ его органическихъ силахъ все будущее и ея самой, и всей Россіи?

Въ Россіи сложились двѣ великія историческія силы, пока почти невѣдомыя другимъ странамъ: *революціонно-идеалистическая интеллигенція и демократически-коллективистическое крестьянство*. Первая, бросившись въ авангардъ революціи, надорвалась, истекла кровью, разбилась и нынѣ развѣяна прахомъ по всѣмъ политическимъ вѣтрамъ. Второе всходило все быстрѣе и увѣреннѣе вверхъ ступень за ступенью, выростая, набираясь богатырской силы, проискиваясь сквозь рѣшетки и ломая ихъ. Теперь оно снова въ рѣшеткѣ, ибо въ первый моментъ революціи не взяло сразу само власть. Завтра оно ее возьметъ и уже никому не уступить. Равно зная, равно любя обѣ эти силы, я, конечно, ни на мигъ не отчаиваюсь въ ихъ будущемъ и понимаю вполне, — испытываю, какъ и другіе, на себѣ, — трагическую судьбу интеллигенціи. Но фактъ остается фактомъ: крестьянство завтра будетъ колоссальной, цѣльной, органической, строительной силой, а интеллигенція сейчасъ нѣтъ.

Интеллигенція сейчасъ нѣтъ, ибо историческая роль интеллигенціи, какъ отдѣльной *культурной* группы «образованнаго общества» и какъ отдѣльной *идеологической* группы — «людей идеи» — кончена, а исторія требуетъ интеллигенціи, какъ *класса трудовой интеллигенціи*. Она же еще не сложилась. Какъ

же она сложится? Осознаніе и отстаиваніе своихъ интересовъ, хотя неизбежно и необходимо, но само по себѣ недостаточно даже матеріально, и во всякомъ случаѣ это не дастъ интеллигенціи идеологической силы надъ судьбами Россіи. И матеріальную, и духовную силу дастъ ей только новое *моральное трудовое сознание*: именно не отъединеніе, а объединеніе себя со всѣмъ трудовымъ народомъ, сознаніе, что крестьянинъ и рабочій — братья и не «меньшіе братья», а просто братья, равные братья интеллигента. Только это *сформированіе интеллигенции, какъ трудового класса*, какъ одного изъ трехъ родовъ оружія трудовой арміи, и дастъ ей вновь жизнь и силу.

«Знаніе и призваніе крестьянства» и составляетъ первѣйшій шагъ къ этому преобразенію и возрожденію русской интеллигенціи. Оно означаетъ просто трезвое возвращеніе къ исторической реальности, бодрое и радостное вступленіе на раскрывшіеся нынѣ предъ челоуѣчествомъ великіе пути. Соціальное творчество переходитъ нынѣ въ руки трудового народа. Интеллигенція есть невыдѣлимая, необходимая часть его. Интеллигентъ не спускается великодушно съ верховъ соціальной пирамиды въ народъ, а слить съ нимъ въ ея нивахъ. Интеллигенція нынѣ становится новымъ «служилымъ классомъ»: вмѣсто крѣпостнаго или бюрократическаго государства его хозяиномъ въ Россіи становится вчерашній «меньшой братъ» — крестьянство. Служа ему, «не за страхъ, а за совѣсть», интеллигенція служить и челоуѣчеству, и себѣ самой. Прошло время «важнѣйшаго дворянина», стремившагося искупить свой грѣхъ предъ страданіями народа. Теперь долженъ явиться «важнѣйшій интеллигентъ», понявшій свой глубочайшій историческій грѣхъ — незнанія и непризнанія крестьянства, отрыва отъ основной, органической, строительной силы Россіи въ моментъ величайшихъ ея усилій и подвиговъ. Интеллигенція должна понять, что, не пріемля крестьянства, она отрывается отъ Россіи и что пришло ей время—либо *привитъся органически къ крестьянскому народу*, либо развѣяться прахомъ по свѣту.

К. Качоровскій.